

СЕРГЕЙ ГАРИН

ЕЁ ГОЛГОФА

Сергей Александрович Гарин

Её голгофа

Аннотация

«Снег рыхлый, почерневший от солнечных лучей, покрывал крыши южного города Е., когда вновь назначенный податной инспектор Петр Иванович Орлицкий ехал с вокзала, по предместью, к главной улице...»

Содержание

I	4
II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Гарин

Её голгофа

I

Снег рыхлый, почерневший от солнечных лучей, покрывал крыши южного города Е., когда вновь назначенный податной инспектор Петр Иванович Орлицкий ехал с вокзала, по предместью, к главной улице...

Высокий, худощавый, лет тридцати, одетый в оленью доху, приобретенную по случаю в столице, в форменной фуражке, Орлицкий казался важным, чиновным барином, и многие прохожие кланялись ему, с оттенком провинциальной конфузливости.

Был десятый час утра. Зима кончалась; в воздухе чувствовалось дыхание весны. В местах, где было много солнечных лучей, чернели проталины, покрытые водой, подмерзшей за ночь.

Одноэтажные, деревянные домики предместья, грязные, покосившиеся, стояли по обеим сторонам улицы пригнувшись, но в строгой шеренге, как старые, заслуженные солдаты. Иногда на этих домиках чернела такая же грязная, покосившаяся вывеска, вышедшая из-под кисти доморощенного живописца. Она говорила о товарах, продававшихся в лав-

чонке, или о профессии владельца и, порой, вызывала улыбку безграмотностью и наивностью содержания.

Извозчик, – рыжий, лохматый мужик, в синем кафтане и черной шапке, простояв всю ночь у вокзала, клевал сейчас носом, открывая глаза только на ухабах. Это заметил Орлицкий и, боясь, что возница залезет с санями в канаву, строго заметил:

– Ты уж того, голубчик... не спи!

Мужик широко открыл глаза, желая доказать, что барин ошибается, крикнул и яростно замахал в воздухе кнутом. Лошади сразу побежали рысью.

Проехали каменную арку, выкрашенную в белый цвет, и сани заскрипели по камням, покрытым тонким слоем грязи и снега. Стали попадаться каменные дома, двухэтажные, чистенькие; запестрели настоящие вывески.

Ехали долго. Сначала большой и длинной улицей, мимо собора, затем свернули в другую, тоже длинную, со множеством магазинов.

Наконец, сани остановились у гостиницы «Бристоль».

Молодой парень, в грязном пиджаке и опорках на босу ногу, взял вещи Орлицкого и потащил по деревянной, крашенной лестнице, наверх.

Гостиница оказалась неважной с номерами, оклеенными грошовыми обоями, с мебелью старинного образца, обитой грязным ситцем в цветы, с запахом кухни, идущим снизу...

Разложив вещи, Орлицкий заказал самовар, заварил чай

и стал думать о новом месте.

Вышло все как-то неожиданно. Орлицкий должен был ехать в северный губернский город, но доктора отсоветовали:

– На север вам ни в коем случае нельзя! Грудь у вас слабая, здоровье надломлено, и вам следовало бы прожить хоть один год на юге! – сказал Орлицкому профессор.

– Но я уже назначен... Как же теперь?

– Постарайтесь с кем-нибудь поменяться! Здоровье важнее!

Два дня Орлицкий ходил по своей комнате на Петроградской стороне и все обдумывал совет профессора. И пришел к заключению, что ехать на север действительно опасно. Он знал, что у него медленно и постепенно развивается чахотка, что эта болезнь наследственная, перешедшая от матери, которую он почти не помнил. Надо было, конечно, принять вовремя меры, побережь свое здоровье... Но всегда так складывались обстоятельства, что некогда было думать о себе; нужно было заботиться о завтрашнем дне. И этот проклятый «завтрашний день» грозным призраком преследовал Орлицкого, чуть ли не с последних классов гимназии, когда ему, приемышу одного чиновника, пришлось уроками добывать себе кусок хлеба. И завертелись, как мельничные крылья, движимые неумолимым ветром, беспросветные трудовые дни, с бессонными ночами над книгами и бесконечным беганьем то в университет, то на уроки... Порою Орлицко-

му казалось, что вся жизнь человеческая не что иное, как бесконечный лабиринт лестниц, подъездов, широких и узких дверей, и что, прежде чем умереть, каждый должен отсчитать своими ногами известную цифру ступенек... И не оставалось ни для души, ни для сердца, свободных минут и казалось странным, что есть на свете люди, которые любят и ненавидят, – что есть на свете страсти, грезы и беззаботный смех...

В результате погоня за завтрашним днем отразилась и на дальнейшем: вместо того, чтобы остаться при университете, готовиться на приват-доцента по кафедре естественных наук, Орлицкий был вынужден поступить в казенную палату, пять лет тянуть лямку чиновника и с радостью ухватиться за первое подвернувшееся место податного инспектора в провинции. Решив, что нужно обязательно ехать на юг, Орлицкий стал подыскивать лицо, которое могло бы с ним поменяться местами. Но такового не находилось. И Петр Иванович собрался совсем уже ехать на север, как в Е. внезапно умер податной инспектор, и Орлицкому, как бывшему «на виду», разрешили, вместо севера, ехать туда...

Орлицкий взглянул на часы: не было еще двенадцати. В три часа ему надлежало представиться управляющему казенной палатой, а пока Петр Иванович решил съездить к бывшему однокурснику Штейну, служившему в этом городе врачом при земской больнице. Восемь лет назад, Штейн был очень дружен с Орлицким, даже жил с ним в одной комнате,

но затем перешел на медицинский факультет, окончил его, и друзья расстались.

Ехать пришлось опять на окраину города. На этот раз извозчиком был пожилой молдаванин, низкого роста, с узкой грудью и длинными, как у обезьяны, руками. Он сидел на козлах согнувшись в три погибели, одетый в широкий, с чужого плеча, синий зипун, с громадной, другого цвета заплатай на правом плече. От порыжевшего ворота тянулась на спину грязная бечевка, к концу которой прикреплена была жестянка с номером. И когда сани ныряли в ухаб, жестянка описывала дугу и долго качалась потом на спине возницы часовым маятником... Низкая, но сильная лошаденка, с торчащими, как у рыси, ушами и нечёсаной гривой, бежала весело, косясь на правую руку извозчика, в которой болтался кнут, все время поднимавшийся, но ни разу не опустившийся на спину лошади.

Но вот потянулся белый каменный забор; сани въехали в раскрытые ворота и остановились у двухэтажного здания. Орлицкий расплатился и вошел в подъезд. В передней, у вешалки, на которой скучало чье-то пальто и топорщился подвешенный за ручку порыжевший мужской зонтик, клевал носом швейцар с потемневшими галунами на воротнике. Он лениво поднял голову, достал из-за пазухи кисет и стал свертывать папиросу.

– Можно видеть доктора Штейна? – спросил, подходя, Орлицкий.

Швейцар нехотя поднялся и, продолжая свертывать папиросу, ответил сквозь зубы:

– Можно! Отчего нельзя? Но только они сейчас на обходе!

– А скоро освободится?

– Освободится-то? А Бог его знает! Кажись, скоро! Подождите там!

Он кивнул налево, на дверь, и сел на прежнее место. Орлицкий вошел в небольшую квадратную комнату, в которой находилось человек десять, ожидавших амбулаторного приема. У окна стоял столик, за которым фельдшер записывал приходящих. Увидев, что Орлицкий сел на свободный стул, и думая, что пришедший не знает правила, фельдшер внушительно сказал:

– Записаться надо!

– Я не на прием... Я к доктору Штейну, по личному делу!

– А-а! Ну, ладно!

Прямо была дверь в другую комнату. Временами оттуда выглядывала белая фигура, выкрикивала номер больного и опять скрывалась.

Прошло более часа. Орлицкому надоело ждать и он подошел к фельдшеру.

– Скоро я могу увидеть доктора Штейна?

Фельдшер, не поднимая головы, – он читал какую-то книжку, – ответил с расстановкой:

– Очень ва-зможно, что и скоро! А, может быть, и не-е скоро!

И углубился опять в чтение.

Орлицкого взяла злость.

– Тогда нельзя ли послать ему эту записку?! Я – податной инспектор и мне нужно его по важному делу!

Фельдшер оторвался от книжки и пристально взглянул на Орлицкого. И видна была скука в бессмысленных, слегка раскосых зеленых глазах его...

– Напишите... Я пошлю!

Орлицкий набросал несколько слов на клочке предложенной бумаги, и фельдшер отослал записку со швейцаром. Прошло еще минут десять, пока тот вернулся.

– Пожалуйте-с!

И повел Орлицкого вверх по лестнице, затем большим светлым коридором, по одной стороне которого шли окна, по другой – палаты; из одной палаты вышел старик, в больничном халате, с забинтованной головой, почему-то низко поклонился Орлицкому и долго смотрел вслед, почесывая поясницу. У другой палаты на скамейке сидел, болтая ногами, мальчишка, держа на перевязи руку.

При виде швейцара и Орлицкого, он хотел было шмыгнуть в дверь, но опоздал и остался смотреть на проходящих с открытым ртом, напоминая упавшего из гнезда желторотого галчонка...

У маленькой двери с дощечкой «ординаторская», швейцар остановился:

– Вот сюда...

Посреди узкой комнаты, напоминавшей обстановкой кабинет, стоял молодой, краснощекий врач, в пенсне, в белом халате. Он пошел навстречу Орлицкому, с протянутыми руками.

– Читал, читал в газете, что ты сюда назначен! Ужасно обрадовался: опять будем вместе!

Усадил Орлицкого в кресло, сам уселся против, в стуле, и выслушал рассказ податного инспектора о том, каким образом тот сюда приехал.

– Ты что же: был уже у начальства? – спросил Штейн.

– Пойду в три часа!

– Ага! Вероятно, пригласит на квартиру! У нас это заведено! А теперь, – поднялся доктор, – посиди пару минут, я dokonчу обход и пройдем ко мне! Я живу рядом.

Штейн ушел, но скоро вернулся и пошли опять по светлому коридору, спустились вниз и другой дверью вышли на улицу. Белый каменный забор тянулся еще шагов двести и окончился у одноэтажного домика. Поднялись по каменной лестнице в четыре ступени. Открыла дверь милостивая женщина лет двадцати пяти, в сером бумазейном капоте, немного растрепанная. Увидев незнакомое лицо, она вспыхнула и убежала в маленькую дверь направо.

– Проходи налево! – сказал Штейн, пока Орлицкий вешал фуражку и доху.

Пришли в уютную гостиную с мебелью в белых чехлах. У окна, в небольшом аквариуме плескались золотые рыбки;

лежал сонный, неподвижный व्यон. В углу белела серебряная риза иконы.

– Совсем буржуй! – невольно подумал Орлицкий, и ему вспомнился Штейн в годы студенчества, с идеями чуть ли не анархиста.

Заметив, что Орлицкий смотрит на икону, Штейн смутился:

– Это у меня Настасья Федоровна такая богомольная!

– Ты женат?

– Почти! Живу с акушеркой нашей больницы. Скучно, брат, так-то... одному! Она очень милый человек!

Увел Орлицкого в кабинет.

– Прежде всего: хочешь есть? В один момент смастерим завтрак!

Орлицкий отказался.

– Ну, как хочешь! А то, брат, не стесняйся!

Стали вспоминать Петроград, университет, общих знакомых. Пахнуло милым, ушедшим в безвозвратную даль, прошлым... И удивлялись оба, как это все, в сущности, было недавно, а кажется сейчас таким далеким, как берега, ушедшие к горизонту... Но остро чувствовали оба, что впереди еще большая-большая дорога, в груди много еще сил, в сердце много солнца... И только Орлицкому на минуту взгрустнулось, когда вспомнил про свою болезнь. Но в окна так настойчиво врывались лучи солнца, так ласково гляделось в стекла южное небо, что лицо податного инспектора опять по-

светлело, и он не без укоризны заметил:

– Почему не открываете форточки?! Ведь, так тепло на улице!

После воспоминаний перешли на теперешнюю жизнь Штейна.

Орлицкий порадовался, что приятель так мило устроился.

– Признаться, я всегда думал, что ты неспособен к семейной жизни... Помнишь: ты всегда был её противником?! Ратовал, что человек свободной профессии никогда не должен окунаться в житейскую прозу!

Штейн вздохнул и задумался. Прежняя мечта, расплывшаяся во времени и растоптанная обстоятельствами, встала бледным призраком, как упрек прошлого. И опять чем-то далеким, будто не своим повеяло на доктора... Словно все прошлое было не его, а кого-то другого, носившего его фамилию и взявшего его душу только на время. И доктор Штейн с недоумением вспоминал студента Штейна, улыбаясь в душе его милым, несбывшимся мечтам молодости.

– Какое хорошее было время! – невольно вырвалось у доктора и он с грустью посмотрел на товарища.

– А тебе как служится? – спросил Орлицкий.

– Трудновато... Приходится применяться к обстоятельствам... А это расхолаживает!

Он замолчал. Какая-то мысль сверлила мозг доктора, и видно было, что он никак не может от неё отделаться.

И вдруг начал, смущенно, не глядя на Орлицкого:

– Вот ты говоришь: «окунулся в прозу житейскую»... Да, пожалуй, ты прав... Но так сложилась жизнь, что одному бороться стало не под силу... Потребовалась чья-то чужая душа, которая дала бы почувствовать, что ты не один, что есть сердце, бьющееся в унисон с твоим. Одним словом: ты меня понимаешь...

– Да я ничего и не говорю!

– Нет, это я так, к слову... Действительно, как-то дико на первый взгляд: взял человек, да и сжег сразу всех своих богов, а ну их, мол, к лешему... И выходит, что был это не человек, а человечешко!

Вошла женщина, отворявшая им дверь. Теперь она была одета в синюю шерстяную юбку, белую кружевную кофточку. Причесана. Мило поздоровалась с Орлицким и села.

– Вот Настасья Федоровна делит со мной все больничные печали! – кивнул на нее Штейн и обернулся к ней. – А вот я рассказывал ему про наше житье-бытье!..

Она ничего не ответила. Улыбнулась. И было что-то грустное в этой улыбке. Словно напомнил Штейн о том тернистом пути, по которому оба идут.

– Может быть, кофе выпьете? – вдруг спросила она Орлицкого. – У меня готов!

Уговорила. Быстро ушла из комнаты, шурша накрахмаленной нижней юбкой, оставив запах крепких, но приятных духов; так же быстро вернулась:

– Идемте в столовую!

Прошли опять гостиную, узкий коридор и вошли в столовую. Она была полутемная – единственное окно выходило в промежуток между двумя зданиями, но и тут видна была заботливая рука женщины. По сторонам маленького, словно игрушечного буфета, висели полотенца, с вышитыми петухами; красовались раскрашенные терракотовые тарелочки. Стекланный абажур висячей лампы украшали искусственные цветы. Скатерть была суровая, домашней работы, вышитая крупными крестиками. На столе, на крохотной бензинке, кипел кофейник, аппетитно булькала крышка его и из тонкого, как нос цапли, узкого горлышка, змейкой струился пар...

Стали говорить о городе. Указали на несколько семейств, с которыми Орлицкому придется вести знакомства: управляющий акцизными сборами, полицеймейстер, инспектор печати, начальник почтово-телеграфной конторы...

У Орлицкого в перспективе была однообразная чиновничья жизнь, с преферансом «по маленькой», со скучными разговорами о злобе дня с мужчинами, с шаблонными ухаживаниями за местными дамами и девицами...

– Влюбитесь в Лизу-колбасницу! – улыбаясь, сказала Настасья Федоровна. – Уж этого вам ни за что не избежать!

Орлицкий удивился:

– Лиза-колбасница?! Это еще что?

– А это наша местная сирена! Все наши мужчины от неё без ума! Даже... он! – кивнула Настасья Федоровна на Штейна. – Он одно время ею сильно увлекался!

Штейн густо покраснел.

– Ну, уж... и увлекался! Просто разговаривал с ней иногда, когда заходил в колбасную...

– Не иногда, а по нескольку раз в день в эту колбасную забегал! – поправила его Настасья Федоровна, голосом, в котором звучала затаенная ревность.

Назревала семейная сцена... Орлицкий поспешно стал прощаться, объяснив, что ему нужно еще переодеться, прежде чем ехать к начальству. Штейн с Настасьей Федоровной проводили его до ворот, а сами пошли в больницу...

II

Управляющий казенной палатой, действительный статский советник Паршин, принял Орлицкого очень тепло, усадил в своем кабинете, интересовался прошлым своего нового подчинённого и, прощаясь, пригласил обедать:

– Приходите запросто, к семи часам! В это время мы всегда обедаем. Вас, кажется, Петром Ивановичем величают?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Ну, так вот, Петр Иванович: к семи часам сегодня мы вас ждем!

Он проводил Орлицкого до приемной и податной инспектор ушел, унося в сердце сладостную тревогу... Нарастало в душе довольство собой, сумевшим так прочно, наконец, устроиться, но в то же время Орлицкий боялся верить, что все будет и дальше так хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.